

Джордж Х. Кокс

Безутешная вдова

Джордж Кокс

Безутешная вдова

Кокс Д. Х.

Безутешная вдова / Д. Х. Кокс —

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	8
Глава 3.	12
Глава 4.	16
Глава 5.	21
Глава 6.	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Джордж Х. Кокс

Безутешная вдова

Глава 1.

Редакция «Курьера» находилась на перекрестке; одна улица была с односторонним движением, вторая тянулась, огибая грузовые платформы и автостоянку. Кент Мердок, несколько недель назад ставший начальником фотоотдела, срезал угол, когда услышал пронзительный автомобильный гудок и потом-окликающий его женский голос.

Шагнув на тротуар, Кент обернулся и сразу же узнал блондинку, которая высунулась в открытое переднее окно стоявшего напротив синего седана. Молодое привлекательное лицо блондинки озарилось прелестной улыбкой, когда она поняла, что её заметили.

Кент улыбнулся в ответ, помахал рукой, дождался просвета в бесконечном потоке машин, запрудившем в это весеннее утро всю улицу, и перебежал на ту сторону.

– Привет, Рита! – он уселся с ней рядом в машине. – Поджидали меня?

– Наверху мне сказали, вы вот-вот появитесь, и даже предложили подождать, но...

Он усмехнулся, заметив запинку: в качестве места встречи их фотостудия, как они гордо именовали свой отдел, выглядела слишком непривлекательной. А почему Рите предложили подождать-тоже ясно. Редко к ним навевывались столь очаровательные посетительницы, как Рита Олдерсон.

– Я вас понимаю, – сказал он.

– Поэтому, – тут она снова улыбнулась, – я решила попробовать перехватить вас здесь.

Теперь он ждал, мысленно спрашивая себя, с чего бы ей сюда приехать: хотя они и были знакомы достаточно давно, но только потому, что Кент с незапамятных времен дружил с её мужем, погибшим три месяца назад в автомобильной катастрофе.

Джордж с Ритой возвращались в машине после субботней вечеринки по шоссе Сазерн Шор, за рулем сидела она. В низинах скопился густой туман. На крутом повороте навстречу им выскочила машина, ослепившая Риту светом фар. Следствие установило, что превышения скорости не было, но результаты вышли самые печальные. Мужчина погиб мгновенно, когда машина врезалась в дерево, женщина отделалась легкой контузией и вывихом ноги. Именно потому последнее время Мердок часто думал об этой аварии, и сейчас принялся пристально разглядывать молодую женщину, чье внимание, казалось, было приковано к стоявшей впереди машине. Руки её лежали на руле, хмурое лицо напряглось, в уголках глаз собрались морщины.

Помогать он ей не стал, так что вскоре, по-прежнему не глядя на него, она произнесла:

– Я подумала... – и умолкла вновь. Видно было, что чего бы ни касались её мысли, удовольствия ей они не доставляли.

Новая попытка:

– Я насчет того детектива, которого вы рекомендовали Гарриет.

– Тома Брейди?

– Он сейчас в городе?

– Да.

Мердок ждал, все ещё не понимая причины её озабоченности. Раз она молчала, уточнил, что Брейди рекомендовал не он, а Артур Андерс, адвокат Олдерсонов.

– Но вы же друг семьи, и Гарриет наверняка с вами насчет него советовалась?

– Я сказал, что если ей действительно нужен частный детектив, лучшего чем Том Брейди искать не надо.

– Понимаю... Вот я и подумала... я хочу сказать... я слышала, он собрался к вам сделать фотокопии. Видимо, переснять старые документы.

Для Мердока это оказалось новостью, ничего подобного он не слышал.

– Я вообще не видел Тома в этом месяце, – добавил он.

Она продолжала:

– Он решил сделать кое-какие копии, чтоб держать их под рукой. Вот я и подумала... вы же мне друг, правда?

Мердок пребывал в растерянности, хоть и появилось у него смутное представление, к чему она клонит. Он не знал, не лучше ли остановить её, не дав скомпрометировать себя окончательно, но не мог сосредоточиться, потому что Рита в упор смотрела на него, а глаза её большинство мужчин считали неотразимыми.

Кент успел заметить, что на Рите было облегающее платье цвета электрик и черный жакет, светлые волосы венчала кокетливая шляпка той же ткани, что и платье. Видев её в купальном костюме, он знал, что фигура у неё потрясающая, тонкая, но с приятной округлостью в нужных местах, и красивые стройные ноги. Лицо с пухлыми губами и чуть выступающими скулами было несомненно привлекательным, но особенными в нем были только глаза. Темносиние, широко расставленные, под удивительно густыми ресницами, на мужчин они производили колдовское воздействие. Под из взглядом он невольно забывал обо всем, без всяких сомнений-и оснований тоженачиная чувствовать себя избранником этой колдуньи.

Ощущая притягательную силу её взгляда, Мердок поспешил отвести глаза в сторону, громко заявив, что ему приятно считать её своим другом.

– Но когда делаешь копии, видно же, что снимаешь, – торопливо заговорила Рита. – Я хочу сказать, вы будете в курсе, какие бумаги он принесет...

Мердок извлек из кармана пачку сигарет, предложил Рите, когда та отказалась, закурил сам. Разобравшись в её намерениях, он хотел остановить её раньше, чем она поставит и себя, и его в неловкое положение.

– Мне известно, что Том сейчас работает на Гарриет Олдерсон, – заговорил он. – И я знаю, что его долго не было в городе, после возвращения я его не видел. И даже не слышал, что он вернулся, так что ничего не знаю о фотокопиях...

Вновь почувствовав чарующую силу взгляда Риты, он запнулся.

– Но если вы правы, – продолжал, собравшись с силами, – и Брейди действительно придет ко мне с подобным предложением, то учитывая, что в городе хватает частных фотоателье, сделает это потому, что мы старые друзья и он может на меня положиться.

– Естественно!

– Полагаю, упомянутые вами бумаги-конфиденциального свойства?

– Ну... очевидно.

– Но если Гарриет Олдерсон ему платит, то имеет права на его отчеты. Почему бы вам не поговорить для начала с Брейди?

– Я собиралась... потом, но подумала, имей я заранее хотя бы общее представление...

Она не закончила, плечи поникли, руки упали на колени. Уогда заговорила снова, голос звучал тихо и виновато.

– Вы правы, мне не следовало сюда приходить. Видимо, я плохо разбираюсь во многих вещах. Я действовала под влиянием глупого порыва, даже не подумав как следует...

– Это часто случается!

– Поверьте, я просто не подумала, что рассказывая мне о содержании этих бумаг, вы подвели бы своего друга. Ну что, забудем об этом?

Выпрямившись, она нажала на стартер.

– Можно сделать вид, что меня здесь не было?

Улыбка у неё не получилась, но глаза смотрели дружелюбно.

– Вы не изменили отношения ко мне?

– Нет, конечно.

– Я рада.

Положила руку на его колено.

– И не думайте, что я забыла, сколько вы для меня сделали... после аварии... Спасибо, Кент.

– За что? – спросил он, протягивая руку к дверце.

– За то, что вы не позволили мне ничего испортить.

Он вылез из машины. Рита рванула с места, едва не протаранив стоявшую впереди машину. Мердок следил, как она влилась в общий поток машин, худое лицо его хмурилось, темные глаза смотрели задумчиво.

Несколько минут он не трогался с места. Для этого времени года было холодно, небо затянули тучи; ветер, налетавший порывами с Джолнес Бенк, пах дождем. Позабыв про суматоху дня, Кент думал о молодой женщине и странной её просьбе, пока наконец не сообразил, что попусту теряет время. Тихо выругавшись, он торопливо пересек улицу.

Глава 2.

Фотостудия «Курьера», не знавшая отдыха ни утром, ни вечером, состояла из ряда комнат, соединенных темноватым коридором, тянувшимся от приемной до фотолаборатории, сворачивая ещё и к четырем крохотным каморкам, где печатали снимки.

В одном углу приемной была сооружена перегородка из дерева и стекла, отделявшая закуток, служивший Мердоку кабинетом. Там едва хватало места для письменного стола с креслом и стула для посетителей. Угол был занят стеллажом для бумаг, и поскольку в комнате больше не оставалось ни сантиметра свободного пола, все остальное громоздилось вверх к потолку. К стене прилепился радиоприемник, на его крышке-табло, фиксировавшее, какие машины редакции где находятся.

Когда вошел Мердок, в приемной был всего один человек-фотограф Клайм, который ещё в четыре часа сменился. Клайм всегда гонялся за сверхурочными, вот и теперь он встретил Мердока вопросом, нет ли срочной работы. Тот обещал посмотреть.

Судя по табло, три машины были на заданиях, в журнале тоже не было ничего чрезвычайного. Так он и сказал Клайму, скинув пиджак и протискиваясь в кресло. Еще не успев как следует устроиться, заметил какое-то движение сбоку, и обернувшись увидел Тома Брейди, загородившего всю дверь, с портфелем под мышкой. Радость Мердока была неподдельной.

– Эй! – он весело улыбнулся, – заходи, садись, если сумеешь. Где ты пропадал, бродяга?

Навалившись всем телом на косяк, Брейди сбил шляпу на затылок. Краснощекий здоровяк с седой шевелюрой выглядел ниже своего роста из-за широченных плеч и бычьей шеи; из-под нависших густых бровей взирали черные глаза, изъяснялся он в ворчливогубоватой манере. Полтора года назад он ушел в отставку после 38 лет службы в полиции, в криминальном отделе. И открыл свое собственное частное детективное бюро со штатом в одиннадцать человек.

Сейчас он улыбался во весь рост, явно весьма довольный собой.

– Путешествовал, сынок, путешествовал. Спросишь, где?

– Считаю, что уже спросил.

– Сан-Франциско, Лос-Анжелес, Мехико-Сити, Майами-Бич. И даже заехал повидать Элис и внучат.

– Бесплатно?

– Совершенно. В таких местах побывал, что раньше и не мечтал. Целый месяц, сынок-сотня в неделю и оплата всех расходов! А их было немало. И это ещё не всепредвидятся солидные премиальные. Честное слово, наберется приличная сумма, когда я отчитаюсь! А я отчитаюсь полностью!

Он шагнул внутрь, отложил в сторону портфель, осторожно опустился на стул и продолжал:

– Ты же знаешь, уйдя в отставку я остался без гроша, не считая страховки, которую трогать не хотел.

– Потому что все потратил на образование дочери, а потом...

– Неважно! Я тебе говорил, что не рассчитываю на большие доходы как частный детектив, но все же какое-то занятие и прибавка к пенсии, что ни говори, да и после долгих лет бесконечных инструкций и уставов – просто отдых... Ты же сам мне дал денег на обустройство и обстановку и помог получить лицензию.

– Ну и что? Ты со мной давно рассчитался.

– И вот, – не обращая внимания на его слова продолжал Брейди, – я получил такое задание, о котором можно только мечтать. Почему? Потому что ты дал мне такую замечательную рекомендацию для миссис Олдерсон.

Представив себе Гарриет Олдерсон, Мердок невольно фыркнул и сказал, что никакой замечательной рекомендации он не давал.

– Я ей просто сказал, что знаю тебя давно и что за твоими плечами 38 лет безупречной службы в полиции.

– Она никогда не имела дела с частными детективами, – усмехнулся Брейди, – и сказала сразу, что профессия эта ей не нравится. Но раз вбила себе в голову, что нуждается в помощи, то наняла меня. А уже завтра она получит мой отчет!

Расстегнув портфель, Брейди достал из него конверт из плотной бумаги, кроме которого там ничего и не было, и защелкнул замок.

– Любезность за любезность, – сказал он. – Ты порекомендовал меня миссис Олдерсон, а я дам тебе возможность немного подзаработать.

Он похлопал по конверту.

– Я долго и упорно работал, чтобы добыть эти материалы. И теперь мне нужно подстраховаться, – мало ли что может случиться... Ты мне говорил, что ваши газетные фотографии охотно берутся за подработку... ничего не изменилось?

Мердок подтвердил, что вздумай он запретить такое нарушение служебной дисциплины, подчиненных охватило бы недовольство. Ибо точно также, как левые заработки имели репортеры, не брезговали им и фотокорреспонденты. Разъезжая по городу и выполняя служебные поручения, они частенько получали частные заказы от рекламных агентств, да и от частных лиц, желавших запечатлеть церемонии бракосочетания, похорон, крестин или иных выдающихся событий. В газете начальство смотрело на такие вещи сквозь пальцы, если только ими занимались не в служебное время. Второе же условие-чтобы на это не расходовались казенные материалы-соблюдалось только на бумаге.

Кент знал, кто из его работников и когда выполнял левые заказы, знал, что на них идет пленка, бумага и реактивы, но поскольку расходы эти были не слишком обременительны, предпочитал прикрывать на эти глаза: слишком свежи были в памяти совсем недавние дни, когда он сам нуждался в дополнительном заработке. Правда, в последнее время он только изредка соглашался выполнить свадебные фотографии богачей, которым его цены были по карману, да ещё отдельные заказы иллюстрированных журналов.

– Мне нужны четырнадцать негативов, – заявил Брейди, – плачу по пять долларов за штуку.

– Глупости! За пять долларов можно нащелкать целую пленку.

– Да тихо ты! – грубовато одернул его Брейди. – Это не дружеская услуга, а бизнес. Все будет оплачено по графе «текущие расходы», и старуха может себе такое позволить. Если что, я скажу, что уплачено не только за снимки, но и за сотрудничество, и напомним, что ты парень не из болтливых...

Поколебавшись, он продолжал уже всерьез.

– И это так и есть. Ты, конечно, просмотришь материалы, но я уверен, прочтешь не больше самого необходимого, поскольку остальное-не твое дело. Вот почему я пришел к тебе. Мы можем этим заняться сейчас?

Напротив двери в кабинет стояли два больших несгораемых шкафа. В одном держали фотоматериалы, и у каждого сотрудника были к нему ключи. В другом были спрятаны фотоаппараты, включая собственную камеру Мердока, объективы и специальное оборудование.

Достав оттуда аппарат и заперев шкаф на ключ, он отправился к копировальной установке. Свет отрегулирован, аппарат заряжен-можно приступить!

Теперь он не мог не видеть, с чем имеет дело. Документы, которые нужно было сфотографировать, были подобраны по размерам и содержанию, – извещения, подписанные заявления, показания, два письма.

Выполняя работу почти автоматически, он невольно задумался о том, что ему было известно. В памяти всплыли слова Риты Олдерсон... Интересно, почему она была так встревожена? Вполуха слушая рассказ Брейди о его поездках, он спросил, кто же замещает его в бюро в его отсутствие.

– Френк Керби, – ответил Брейди, – но дел у него, честно говоря, немного.

Пока он перечислял, чем занимается Керби, Кент подумал о том, как мало общего было у этих людей. Бывший офицер полиции, по возрасту Керби годился скорее в приятели Мердоку. После перестрелки с тремя грабителями, забравшимися в супермаркет, Керби досрочно вышел в отставку, считая незаслуженным взыскание с понижением в должности.

– Он был хорошим полицейским, – продолжал Брейди.

– Что?

– Да я о Керби. Не погорячись он, уже дослужился бы до сержанта.

– А как у него дела сейчас?

Брейди пожал плечами.

На жизнь хватает. Ему слишком не нравится кому-то подчиняться. Иногда мы с ним работаем в паре.

Установив под объектив последний документ-письменные показания под присягой-даже не пытаясь специально прочесть и разобраться в содержании, он понял, с чем имеет дело. Текста ни писем, ни показаний он не просматривал, зато напечатанные сверху заголовки давали представление об их содержании. И Мердок понял, что сфотографировал два свидетельства о рождении, два-о браке и одно о разводе, одно письменное показание мэра и одно-мирового судьи, пару писем, копии выписок из регистрационных книг отелей, рапорт полиции, два заявления о приеме на работу...

Съемка была закончена, и Мердок следил, как Брейди заталкивает подлинники назад в конверт. Потом он направился в лабораторию проявлять пленку, Том следом за ним и остановился в дверях в ожидании.

Включив красный свет, Мердок опустил пленку в проявитель и установил таймер. Завинчивал крышку на бачке и производил все остальные операции он совершенно автоматически, невольно думая не только о Рите, но и о трех других людях, так или иначе связанных с семейством Олдерсонов, чьи имена он заметил в документах.

Одно из имен мелькнуло на брачном свидетельстве из Сан-Франциско, два других на выписках из отелей в Майами-Бич, хотя само по себе это значения не имело, ведь он не видел ни даты, ни сроков пребывания в отеле. Вот чего он не мог понять-это тревогу Риты, её желание повидаться с ним, ибо в документах как будто не упоминалось ни её нынешнее имя, ни девичье-Рита Карр.

– Что ты видел? – неожиданно спросил Том Брейди. – И что запомнил?

– Не очень много. Как свидетель я могу лишь показать, что снял четырнадцать документов для отставного полицейского Томаса Брейди.

Брейди усмехнулся, но сам отправился следом за Мердоком, который продолжал заниматься пленками. Когда тот опустил их в большой бачок с закрепителем, раздался телефонный звонок. Взяв трубку, Мердок услышал мужской голос, разыскивавший мистера Брейди.

– Это тебя, Том.

Односторонний разговор состоял из одних междометий:

– Да... Что? Ладно, сейчас!

Положив трубку, Брейди сунул конверт в нагрудный карман и поправил шляпу.

– Мне надо идти. Как ты считаешь, сколько тебе ещё возиться с пленкой?

– Тебе ведь она нужна сухой, да?

– Разумеется. Тогда с полчаса.

– Давай сделаем вот как, – сказал Том, отправляясь в кабинет Мердока за своим портфелем. – Положи их в конверт и надпиши на нем мое имя. Если соберешься уходить, оставь его тут, на столе... Нет, пожалуй лучше положи в средний ящик. Я выпишу тебе чек, когда вернусь. И не вздумай спорить.

Повертев по носом у Кента огромным кулаком, чтобы подкрепить свои слова, он резко повернул к выходу, едва не столкнувшись с Вольтом Керри, который как раз входил в кабинет, нагруженный оборудованием.

Старше Мердока на двадцать лет, Керри был самым известным фотографом в городе. Никогда он не занимался ничем иным и не работал нигде, кроме «Курьера». Не слишком считаясь с чужим мнением, он считал себя вправе высмеивать кого угодно. Запах виски был его постоянным спутником. Молодые газетчики считали его чудаком, да он им, пожалуй, и был. Небольшого роста, коренастый, он вечно ходил в кепи, мешковатых брюках и слишком узких пиджаках странных цветов. Буркнув что-то вместо приветствия, опустил на пол ношу и тут же вышел.

А минут через пять раздался телефонный звонок: в корне изменивший планы Кента. Ибо сообщение от Метта Лекинса, дежурного редактора, гласило, что у самолета ДС-3 отказало шасси, он кружит над городом и садиться будет на брюхо минут через двадцать-двадцать пять.

– Кто у вас под руками? – спросил тот. – Кит Говард, – это был репортер из отдела хроники-уже едет туда, но без фотоаппарата.

– Мы с Керри, – ответил Мердок. – Подождите у аппарата, я с ним переговорю.

По внутреннему телефону он спросил Керри, чем тот занят.

– Пара срочных объявлений для оптовой продажи.

Проверив журнал, Кент сказал в трубку:

– Керри занят срочным материалом, Метт. Если нет никого поближе, я поеду сам. Буду с вами на связи.

Повесив трубку, он было передумал, но, перебрав в уме всех фотографов, которых мог послать, решил, что его кандидатура – самая подходящая. О пленке Брейди он не забывал ни на минуту, но времени на её обработку не оставалось совершенно. Успел только развесить половину кадров на просушку. Не зная, что делать, увидел вдруг вошедшего в комнату Керри.

– Вольт, прошу, сделай кое-что для меня! – попросил Кент. – Развесь остальные негативы! А когда высохнут, сложи в конверт, надпиши имя Тома брейди и сунь в средний ящик моего стола.

– Ладно, – согласился Керри. – Что стряслось? Решил для разнообразия поработать?

Мердок рассказал о самолете. Керри выругался.

– Знаешь, куда бы я послал все эти объявления?

– Знаю, Вольт.

Мердок усмехнулся.

– Если им нужно столько снимков, пусть обращаются в газету.

– Конечно, Вольт, конечно. Не забудь мою просьбу!

Глава 3.

В аэропорту дело кончилось удачно для всех, особенно для 14 пассажиров и трех человек команды. Час прокружив над аэродромом, где готовились к приземлению на брюхо, пилот ухитрился проделать все настолько искусно, что все они оказались в объятиях возбужденных родных и знакомых, даже не осознав до конца, какой опасности подвергались.

Мердок понимал, что стал свидетелем чуда, но вот насчет снимков... Все, что он смог сделать-это пару кадров команды и пассажиров, у которых Кит Говард выуживал более-менее интересные реплики для большого репортажа. Еще недавно Кит был в редакции вроде мальчика на побегушках, поэтому с трудом справлялся с возбуждением при каждом самостоятельном выезде на задание. Они уже ехали в служебной машине обратно в город, а он все ещё толковал о сочетании опыта и удачи.

Они слушали полицейское радио. Благодаря многолетней практике, Мердок ухитрился и поддерживать разговор с Говардом, и слушать команды диспетчера. Именно потому, услышав известный ему адрес, он мгновенно сориентировался и решил туда заехать. Тем более, что адрес этот находился практически за углом, а слова: "Разберитесь, в чем там дело», обращенные к какой-то патрульной машине, пробудили в нем старый охотничий инстинкт. Предложив Говарду заглянуть туда, он перебрался в крайний ряд, чтобы повернуть у светофора.

– Что случилось? – удивился Говард.

– По радио помянули заведение Келлера.

– Ресторан?

– Может быть, просто пьяный, но вроде рановато, так что давай заглянем на минутку.

Свернув направо, посреди следующего квартала он увидел вывеску Келлера. Не заметив никаких признаков беспорядка, медленно проехал мимо, но решил все же остановиться и потянулся за фотоаппаратом. Едва выйдя из автомобиля, увидел, как вплотную за ним тормозит патрульная машина, и поспешил внутрь. Говард не отставал от него.

Ресторан Келлера давно завоевал славу такого места, где можно было получить отлично приготовленную отбивную, бифштекс или цыпленка для тех, кого не слишком интересовали хром, красная кожа и огромные зеркала. Зал был отделан панелями в староанглийском стиле, с приглушённым светом и тяжёлой мебелью. Во время обеда музыки не полагалось, но где-то около десяти на эстраде появлялось трио для желающих поразвлечься.

Гардероб помещался слева от входа в холл, напротив-комната отдыха. Когда Мердок вошел, там никого не было, а из двери в главный зал за ним следила девушка... Зал был почти пуст, только в центре собралась кучка людей. Хотя Кент понятия не имел, что происходит, он не колебался ни секунды: дальномер стоял на двенадцать футов, вспышка наготове, так что оставалось лишь нажать на спуск.

При яркой вспышке он заметил стоявшего слева Келлера, недоуменно смотревшего на револьвер в своей руке, словно не понимая, откуда тот взялся. В центре круга стоял мужчина с налитой кровью физиономией, которого держали за руки два официанта, и орал на другого, постарше и лысоватого, стоявшего рядом с грудастой блондинкой лет тридцати. До вспышки она тоже остервенело спорила с задержанным, но появление Мердока все изменило. Официант едва удержал своего клиента, который попытался броситься на Мердока. Блондинка тоже кинулась вперед, Мердок отступил назад. Лысоватый компаньон попытался удержать её, та рванулась от него, но тут же замерла на месте появились двое полицейских в форме.

– Тихо! Прекратите безобразия! – раздалась команда. – Что случилось, мистер Келлер?

Мердок зарядил вспышку, поменял фокус, влез на стул, чтобы снять всю сцену, а потом тихонько удалился к стойке, где не было никого, кроме единственного посетителя, с невозму-

тимым видом сидевшего у дальнего конца, потягивая пиво. Мердок посмотрел на него, подошел и уселся рядом на табурет.

Это был Том Брейди.

– Ты что тут делаешь? – спросил Мердок. – Из-за чего шум?

– На какой вопрос ответить сначала?

– На любой.

– Блондинка с приятелем выпивали вон за тем дальним столиком у стены. Появился этот парень и пошел прямо к ним. О чем они спорили, я не слышал, потом он схватил блондинку за руку, словно хотел увести силой. Та подняла крик и влепила ему пощечину, спутник вскочил и бросился на парня, тот в ответ выхватил оружие. Блондинка схватила его за руку, когда он стрелял. Пуля, к счастью, угодила в потолок, и тут двое официантов схватили его за руки.

– Ты их знаешь?

– Никогда не видел. Когда кто-то заявляется с чужой приятельницей, жди неприятностей.

Тем временем Мердок наблюдал, как в зале появились ещё двое полицейских и включились в разговор с Келлером и своими коллегами. Вскоре возмутители спокойствия были удалены из зала. Кит Говард, разумеется, отправился за ними. Соскользнув с табурета, Мердок тоже двинулся к выходу, но успел дойти лишь до двери, как его кто-то хлопнул по плечу.

– Эй, парень!

Голос этот принадлежал Алу Перетти, игроку и задире, за которым тянулся длинный шлейф арестов за самые разные правонарушения, но ни одной судимости. Сам он был бровастым типом с сизым подбородком и редеющей черной шевелюрой.

– Эти снимки могут принести неприятности моему другу, – заявил Перетти, – я бы не хотел, чтобы они появились в газете.

Кент повел плечом, чтобы сбросить руку Перетти, ему не нравились ни фамильярность, ни тон этого типа.

– Вас я не снимал.

– Но я все равно попал в кадр, и моя дама тоже. А её тут в данный момент быть не могло. Понимаете, что я имею в виду? У неё могут быть неприятности, а я этого не хочу. Забудьте про снимки, и я компенсирую убытки.

Мердок внимательно взглянул на Перетти, встретившись с недоброжелательным взглядом черных глаз. Он понимал: проще всего сказать, что данные снимки вряд ли попадут на страницы газеты, разве что кто-то из действующих лиц будет представлять интерес в другом отношении. Но поскольку Перетти собирался «выкупить» снимки любой ценой, объяснять он этого не стал.

– Я только делаю свое дело, Перетти, – заметил он, – и не могу сказать, пойдут снимки в печать или нет.

– Я этого не хочу.

– Поговорите с редактором, он человек рассудительный. Изложите свои доводы, только не предлагайте денег, иначе он выгонит вас в шею.

Прежде чем Перетти смог ответить, Мердок отвернулся. Внутри у него все кипело. Выйдя на улицу, он увидел, как всю троицу усадили в патрульную машину. Кит Говард подошел предупредить, что берет такси и едет следом в полицейский участок.

– Посмотрю, что будет дальше.

Отойдя в сторону, на противоположной стороне улицы Кент увидел машину, из которой торчала знакомая физиономия Вольта Керри. Он поинтересовался, как тот здесь оказался.

– Выезжал на ограбление в Кембридж, – сообщил тот, – на обратном пути услышал вызов на полицейской волне и сообразил, что речь идет о заведении Келлера. Решил, нужно взглянуть. История хоть стоящая?

Мердок рассказал, что произошло. Потом, вспомнив о Томе Брейди, решил, что может пообедать здесь не хуже, чем в любом другом месте. К тому же убедился, взглянув на часы, что Керри сейчас поедет в студию-было около шести, а тот никогда не уходил раньше семи. Передав ему две кассеты, Мердок попросил их проявить.

– Я вернусь ещё до твоего ухода. Положи готовые пленки мне на стол, одна кассета-аэропорт, вторая-у Келлера. Я заберу их, как только приеду.

Его машина так и стояла перед входом, он перегнал её на стоянку, вызвал по радио дежурного редактора и сообщил, где находится и чем собирается заниматься. Выключив рацию, запер машину и вернулся в ресторан.

В зале теперь было тихо, ничто не говорило о том, что здесь недавно произошло. Посетителей стало заметно больше. Почти все табуреты возле стойки были заняты, но место рядом с Брейди оставалось свободным. Мердок занял его.

– Ты работаешь или просто зашел выпить? – спросил он у Брейди.

– Небольшая работенка подвернулась сегодня утром, – усмехнулся детектив. – Келлеру показалось, кто-то таскает у него спиртное. Ни меня, ни Керби тут не знают здешние цены нам не по карману. Ну мы и прикинули-если тут творят фокусы со спиртным, то только в час пик. И договорились-я буду попивать пивко и присматривать за происходящим часов до восьми, а потом Керби меня сменил и останется до одиннадцати. Только на успех особенно рассчитывать не приходится.

– Тебя чем-нибудь угостить?

– Не стоит. Когда всем здесь стало известно, что ты из газеты, наши дружеские отношения могут насторожить того, кто нечист на руку.

Кивнув Брейди в знак того, что все понял, Кент соскользнул с табурета. Осмотревшись в поисках свободного столика обнаружил, что ни самого Перетти, ни его подруги, насчет репутации которой тот так беспокоился, в зале больше не было.

В четверть восьмого Мердок поставил на место служебную машину и направился к лифту. Навстречу ему попался Джим Хьюз, молоденький парнишка, временно работавший курьером. Джим сообщил, что Керри отпустил его поужинать.

Войдя в приемную, Мердок окликнул фотографа, но ответа не последовало. Тогда он прошел к себе, включил свет и склонился над селектором.

– Вольт!

Никакого ответа.

– Эй, Керри!

Опять тишина. Вспомнив о двух отданных кассетах, Мердок заметил, что на столе у него пленок нет. Вернувшись в приемную, спросил:

– Джим, когда тебя отпустил Вольт?

– В семь, и велел не задерживаться-в восемь он собирался домой.

В недоумении Кент вышел в коридор. Лаборатория казалась пустой, но шагнув через порог, он замер, затаив дыхание при виде скорчившейся на полу фигуры. Даже в темноте он видел, что это Керри, да и приметная кепка валялась рядом. Подойдя ближе, заметил рассыпанные вокруг металлические прищепки для сушки пленки.

– Вольт! – голос у него сорвался. – Вольт!

Опустился на колени, ощущая странную пустоту в груди, потряс за плечо, осторожно взял обмякшую руку и попытался нащупать пульс. И только тут сообразил, что Керри дышит, с трудом, но зато глубоко. За его спиной раздался голос Хьюза:

– Это Вольт? Что случилось?

– Черт, да откуда я знаю? Беги звони, вызывай врача!

– Какого?

– Да любого, ясно? Скажи нашей телефонистке она разберется. Только не копайтесь.

В растерянности он на миг замер, не зная, что делать. Потом снял пиджак, свернул его и подложил фотографию под голову.

Керри лежал на боку, откинув руку в сторону. Не зная, насколько тот плох, Мердок решился осторожно его перевернуть. Крови не было, но на затылке пальцы его нащупали громадную шишку. Тихо опустив голову Керри на импровизированную подушку, Кент выпрямился, снова заметил прищепки и принялся их собирать.

Хьюз уже вернулся и стоял в дверях, потрясенно молча, с широко раскрытыми глазами. Мердок миновал его, пройдя в свой кабинет. Что-то заставило его открыть средний ящик.

Конверта с именем Тома Брейди там не оказалось. Но не ради него кто-то ударил Керри: кроме Брейди, Керри и его самого о конверте никто не знал. Значит, остается только Ал Перетти.

Он почувствовал прилив небывалой ярости.

Глава 4.

Они стояли молча, пока санитары «скорой помощи» укладывали бесчувственное тело Керри на узкие носилки и накрывали одеялом. Мердок, Хьюз, доктор и управляющий издательством «Курьера» Вайман дождались, пока увезут носилки, потом Вайман недовольно спросил врача:

– Вы считаете, его могли ударить мешком с песком, но неужели нельзя сказать, насколько такая травма опасна?

Доктор надевал пальто и шляпу.

– У него огромный кровоподтек на затылке, но рваной раны нет, так что череп, возможно, не поврежден. Вот почему я полагаю, что били мешком. Удар, по счастью, пришелся по тому месту, где кости черепа гораздо толще, но только рентген покажет, нет ли трещин.

– Когда вы уточните, доктор? Надеюсь, вы сами этим займетесь?

Врач кивнул, сказав, что через час картина травмы будет более-менее ясна.

– Допустим, трещины нет, вы все равно не можете сказать, когда он придет в себя?

– Нет, контузия может оказаться очень тяжелой, сейчас нельзя сказать бьет ли сотрясения мозга. Он может прийти в себя уже в машине, или через час, или через сутки, или... – Врач пожал плечами, не сочтя нужным закончить фразу. – Мне пора.

Мердок кашлянул.

– Я, пожалуй, тоже пойду. Поеду с вами, доктор.

– Как хотите, но спешить некуда. Очень сомневаюсь, что сегодня вам удастся с ним поговорить.

Врач ушел. Вайман повернулся к Мердоку. Коренастый толстяк с широким лицом, густыми бровями и энергичными манерами сжимал в зубах полувыкуренную потухшую сигару.

– Вы считаете, пропали все шесть пленок?

– Непрофессионал не мог иначе поступить. Скорее всего, нужны ему были те два снимка, которые я сделал у Келлера, но у Керри были две кассеты, снятые в аэропорту, да ещё и его собственные из Кембриджа. Вот и пришлось забирать все, чтобы не ошибиться.

Вайман вынул изо рта сигару, мрачно оглядел её изжёванный конец, и наконец отправил её в мусорную корзину.

– Расскажите мне про Ала Перетти.

Выслушав Мердока, он спросил:

– Вы знакомы с кем-нибудь у нас в полиции?

– С лейтенантом, начальником следственного отдела.

– Позвоните ему и расскажите, что произошло, пусть берутся за дело. Держите меня в курсе. Я часок-другой ещё побуду на работе.

Он удалился.

Мердок позвонил в полицейский участок, попросил соединить его с лейтенантом Уолшем и рассказал о случившемся.

– Вы могли быть уточнить время? – спросил Уолш.

– Видимо, между семью и восьмью с четвертью.

– Мы проверим, чем был занят в это время Перетти, но на это не следует особо рассчитывать. Я этого типа знаю. Если он задумает какую-пакость, то найдет и исполнителя. Может быть, нам сумеет помочь Керри? Кстати, как он? Надеюсь, поправится?

Кент хотел бы ответить утвердительно, но предпочел осторожно сказать, что не знает.

– Доктор даже приблизительно не берется сказать, когда Вольт придет в себя.

– Ладно, мы этим займемся, – пообещал Уолш, – я сам проверю Перетти и пошлю кого-нибудь переговорить с вашим лифтером. Кто знает, не припомнит ли он чего...

Положив трубку, Мердок откинулся на спинку кресла, уставившись в одну точку. Перед его взглядом темнела скорчившаяся на полу фигура, на миг он едва не впал в отчаяние. Только неотступающая ярость заставила работать его мозг, причем ярость не только на Ала Перетти, но и на собственное бессилие.

Он не знал, сколько времени он так просидел, неподвижный и инертный, но всё же почувствовал потребность что-то делать. Тогда он потянулся к телефону связался с отделом городских новостей и предупредил, что взял служебную машину для поездки в город.

В больнице ему ничего нового не сообщить не смогли, тогда он устроился в зале ожидания и задумчиво курил одну сигарету за другой, пока совершенно неслышно не подошел молодой врач и спросил, не он ли мистер Мердок.

– Рентген черепа мистера Керри дал отрицательный результат, – сообщил он, – сейчас проверяют состояние позвоночника.

Мердок облегченно вздохнул, чувствуя как внутри что-то отпустило, и спросил:

– Он пришел в себя?

– Еще нет.

– Вы не знаете...

– Нет, сейчас ещё ничего нельзя сказать, но реакции нормальные. Видимо, он поправится, так что утром вы сможете с ним встретиться. Пока же остается только ждать.

Кент почувствовал себя гораздо лучше, когда, сев в машину, поехал назад в редакцию. Включив по давней привычке полицейскую волну, тут же услышал сообщение диспетчера из управления.

Форма была установлена раз и навсегда. Вначале-номер участка, потом индекс машины, – А, Д или О, – потом адрес и указания. После каждого вызова – точное время, поскольку все записывалось на будущее на магнитную ленту.

Собиравшийся весь день дождь наконец разразился, да ещё с порывистым ветром, как только Мердок уехал из больницы. Включив «дворники» он снизил скорость, продолжая прислушиваться к голосу диспетчера.

– Машина «Л», Кейб энд компани, – последовал адрес. – Найдите ночного сторожа. 7. 01.

Потом сообщение о сигнале от кого-то, позвонившего в полицию по телефону. Потом одна из машин доложила, что задание выполнено. Но вот следующее сообщение заставило Кента насторожиться. Все дело было в адресе, но тут ему опять повезло. Он ехал по Колумбус Авеню, когда диспетчер сказал:

– Машина «А», на связь!

Ответ последовал незамедлительно, поэтому диспетчер тут же назвал адрес, этаж, подъезд, распорядился приступить немедленно и закончил словами:

– Сигнал У.

Что означает этот сигнал, Мердок не знал, но ему известно было, что в последнее время полиция, возмущенная тем, что газетчики первыми оказываются на месте происшествия, стала применять меняющиеся буквенные индексы в конце сообщений для обозначения тяжких преступлений. Иногда эти буквы оказывались просто приманкой, но чаще наоборот. Сейчас буква У была присоединена к знакомому адресу, что насторожило Мердока, и тут же он увидел, как шедшая навстречу машина развернулась на 180 градусов. В свете фар он убедился, что это патрульный седан.

Пришлось прибавить газу, чтобы не отстать. Не снижая скорости, он ухитрился все же связаться с редакцией, чтобы сообщить, куда едет.

– Мы тоже слышали, – ответили ему. – А что означает индекс У?

– Не знаю.

– Но вы считаете, это срочно?

– Не знаю, я позвоню.

Он свернул налево, следом за патрульной машиной пересек железнодорожную линию и увидел, что седан скрылся за углом. Когда Мердок повторил его маневр, двое полицейских уже бежали по дорожке к подъезду дома, первый этаж которого занимали правление какого-то концерна и магазин электротоваров.

Мердок хорошо знал лестницу, начинавшуюся сразу за парадной дверью, и хотя не поднимался ни разу выше четвертого этажа, в конторе Тома Брейди на третьем бывал неоднократно.

Почувствовав, как лоб его оросили крупные капли пота, а дождь сечет непокрытую голову, он торопливо доставал из машины фотоаппарат и принадлежности и секундой позже уже мчался по скупому освещенной лестнице, со страхом прикидывая, что же могло случиться с Томом и отгоняя мрачные мысли.

"-Не может, не должен это быть Том, – повторял он, словно пытаясь убедить и себя тоже. – Нет, нет!»

На третьем этаже было множество дверей с матовыми стеклами, и только сквозь одну пробивался свет-слева, в самом конце коридора.

То, что Мердок увидел, когда распахнул дверь, осталось у него в памяти на долгие годы. Он не сразу смог понять, что случилось, и вначале действовал совершенно машинально, словно в шоке.

С виду в конторе ничего не изменилось-просторная комната с двумя простыми письменными столами, в углу за перегородкой-место для совещаний. Кроме канцелярских стульев тут была ещё пара кресел, диван, стол и два металлических шкафа для бумаг, выкрашенных зеленой эмалью. И даже в первый самый жуткий миг, когда не хотелось верить своим глазам, Мердок заметил, что один из них вскрыт и опустошен.

Фетровая шляпа, отлетевшая в сторону, лежала неподалеку от сброшенного на пол непромокаемого плаща. Из-за второго письменного стола был виден человек, лежавший на спине. Один из полицейских опустился возле него на колени, второй кинулся к телефону. На диване, повесив голову, сидел Френк Керби.

С того момента, как Мердок переступил порог, никто не произнес ни слова. Теперь все трое взглянули на него, потом полицейский, склонившийся над телом, покачал головой и сказал напарнику:

– Он мертв.

– Ты его знаешь? – спросил тот.

– Том Брейди. Он много лет проработал в 61 участке, потом перешел в комиссариат. Звони живее!

Поднявшись с колен, он отряхнул брюки, склонил голову, потом произнес недовольно и даже осуждающе:

– Вы ведь Мердок из«Курьера»? Черт возьми, как вы здесь очутились так быстро?

– Услышал сообщение по радио... Увидел вашу машину и поехал следом.

Что он делал потом-он и сам не мог вспомнить. Видимо, действовал в шоке. С одной стороны, он поверил словам полицейского, с другой-не мог смириться, что Том Брейди умер. Но такое состояние не мешало заниматься привычным делом, за многие годы доведенным до автоматизма.

Он замечал взгляды патрульных и догадывался – те раздумывают, выставить его за дверь, или нет. О когда они уже собрались это сделать, он рискнул на «ход конем», который редко когда не достигал цели: какому полицейскому не хотелось увидеть свой портрет в газете!

Аппарат уже был наведен, и он скомандовал:

– Вы, у телефона, шаг вперед вправо... Вот так, хорошо!

Быстро перезарядив вспышку, Мердок сменил позицию.

– Еще раз отсюда. Как вас зовут? – он брал руководство в свои руки.

– Хенди и Голдмен, – последовал ответ.

Затем, не давая им опомниться, он вынул кассету с пленкой, положил аппарат на диван возле Керби и поспешил к выходу. Один из полицейских встрепенулся:

– Эй, куда же вы?

– Заглушу мотор машины и позвоню в редакцию. Через пару минут вернусь.

Он ушел, не обращая внимания на протестующие голоса за спиной. Чтобы его задержать, нужно было бежать вдогонку, но этого никто не сделал. И вот тут на него обрушилось все потрясение от случившегося. Ему показалось, что внутри все сжалось, ноги перестали слушаться, он с трудом передвигал их.

Кто и как убил Брейди? И почему?

– Нет, – громко воскликнул он, словно протест мог что-то изменить. – Нет!

Как ни странно, дурнота прошла. Лицо загорелось потом покрылось потом, в глазах потемнело, только он упорно шел вперед, надеясь, что на улице станет лучше. В самом деле, дождь с холодным ветром отрезвили его.

В машине он сразу схватил микрофон.

– Машина 93 вызывает редакцию «Курьера», машина 93 вызывает редакцию...

Что-то заскрежетало, потом донеслось:

– Машина 93, вас слушают.

Мердок откашлялся и продиктовал сообщение.

– Минутку, нужны дополнительные детали. Я соединю вас с редактором.

– К сожалению, добавить мне нечего. Это убийство, но как оно произошло, пока сказать не могу. Пришлите за пленкой, я оставлю её на переднем сиденье автомобиля. Аппарат у меня, а ключи я оставлю в машине.

– Ладно. Вы намерены там остаться?

– Сколько сумею. Я ещё позвоню.

Выключив радио, он положил кассету на сиденье рядом с собой и замер, слишком измученный и убитый горем, чтобы что-то предпринимать, пока не сообразил, что вот-вот появятся машины с толпой репортеров из других газет.

Когда Кент вновь вошел в контору Брейди, патрульный, стоявший до этого у телефона, разговаривал с Керби, а второй склонился над короткоствольным револьвером, валявшимся в паре футов от тела.

– Из него стреляли? – спросил Мердок.

– Один раз.

Мердок стал, опершись на угол стола таким образом, чтоб не видеть лица Брейди. Не хотел он его видеть. Он хотел сохранить его в памяти совсем другим, и глаза его задвигались, запоминая всякие мелочи.

Расстегнутый пиджак, темное мокрое пятно на рубашке. Кресло, стоявшее за письменным столом, было перевернуто, второй ящик справа вытасчен и валялся вверх дном, содержимое его разбросано по полу. Там же на полу лежала смятая проволочная корзина для мусора. Не иначе из неё разлетелись по полу клочки рваной бумаги и спутанный клубок узкой ленты, видимо из пишущей машинки.

Несколько минут Кент стоял так, лицо его побледнело, зубы были крепко сжаты, глаза покраснели, по лбу скатывались капли пота.

И тогда он почувствовал-ярость в нем одолевает горе. Ему доводилось снимать смерть во многих видах, но никогда она не казалась ему такой близкой к сердцу и такой ужасной. Теперь все, что он будет впредь делать, будет не ради газеты, а ради Брейди.

Обернувшись, он взглянул на Френка Керби, монотонным голосом отвечавшего на вопросы полицейского.

– Он был здесь, когда я вошел. Я сначала не заметил револьвера. Я не понял, что случилось, думал, у него с сердцем плохо... пока не заметил кровь.

Он говорил, и говорил... Но Мердок его больше не слушал. Взяв свой аппарат, он отнес его со всеми принадлежностями в угол за дверь. Там стоял стул, через спинку которого переброшен был светлый плащ Керби, почти такой же, как у него самого. Поверх него Керби поместил свою новехонькую шляпу. Машинально Кент отметил, что для Керби это характерно: тот был аккуратен с вещами и всегда придерживался моды.

Сняв свой плащ, Кент свернул его, но поскольку тот был мокрым, положил на пол, рядом с фотоаппаратом. Сделав то же самое с плащом Керби, положил его поверх своего, сел на стул, сложив руки на коленях, и сосредоточился, готовясь к той работе, без которой не обходилось ни одно расследование убийств.

Глава 5.

Первыми прибыли лейтенант из местного полицейского участка и с ним двое детективов. Но прежде чем они успели оглядеться как следует, примчался лейтенант Бекон из отдела по расследованию убийств со своим неизменным спутником-грузным, неповоротливым типом с боксерской челюстью, сержантом Кио. Следующим прибыл медицинский эксперт, а когда он приступил к осмотру тела, вошли фотограф и дактилоскопист – теперь все официальные лица были на месте.

Сидя в дальнем углу, Мердок не слишком бросался в глаза, и первым обратил на него внимание Бекон, пока местный лейтенант слушал рапорт патрульных. Много времени это не заняло, и он отправил их обратно, распорядившись подежурить у входа, пока их не сменят.

– Прессу не пускать! – велел он.

А Бекон уже уставился своими серыми глазами на Мердока. Глаза его раздраженно блеснули, он прищурился, но тут же взял себя в руки. Он хорошо знал Мердока и не впервой встречался с ним на месте преступления.

Мердок ответил ему таким же взглядом, и лейтенант отвернулся с видом строгого учителя, который отложил на время наказание ученика.

Подойдя к врачу, он стал рядом, пока тот производил осмотр. Много времени это не заняло. Поднявшись с колен, доктор заявил:

– Все, что я могу сделать, лейтенант.

Он потянулся к шляпе.

– Один выстрел, практически в упор. Полагаю, на одежде будут обнаружены следы пороха. Во всяком случае, пока мое мнение таково.

– Он умер сразу?

– Видимо, да.

– Давно?

– Недавно. Меньше получаса назад.

Бекон смотрел, как дактилоскопист приподнял револьвер карандашом, просунув его в скобу курка, и положил на стол. Пока устанавливали освещение для фотографа, он повернулся в сторону Френка Керби.

– Вы его нашли, Френк? Расскажите. Как случилось, что вы пришли сюда?

Френку Керби было лет тридцать пять. Высокий, стройный, весьма компетентный с виду мужчина, чьи серо-зеленые глаза смотрели смело, деловито и холодно. Светлокаштановые волосы и вытянутое лицо придавали ему некоторое сходство с терьером. По характеру он был задирист и агрессивен, временами грубоват-результат двенадцатилетней службы в полиции, где ему приходилось ловить правонарушителей, таких же несговорчивых, как он сам.

Сейчас, подняв глаза на Бекона, заговорил он глухо и скорбно.

– Днем мы вместе работали по небольшому дельцу на Келлера-хозяина ресторана, где подают такие роскошные отбивные.

И он рассказал ту историю, которую Кент уже слышал от Тома Брейди.

– Я знал, что Том свое дежурство уже закончил, ну и зашел узнать, нет ли чего нового, прежде чем идти туда к одиннадцати часам.

– Когда это было?

– Около девяти, или чуть раньше, точно не скажу.

– Поучается, вы потратили много времени, нам-то позвонили в 9. 07.

– Да, – вздохнул Керби, можно сказать и так.

Он замаялся, лицо его в ярком свете фотоламп казалось неестественно бледным и лоснящимся.

– Когда я увидел револьвер и понял, что произошло, я слишком растерялся, чтобы рассуждать логически. Мы не были партнерами, только делили пополам помещение и расходы. Мы с ним даже не были слишком близки. Но когда ты день за днем рядом с Брейди, начинаешь понимать, какой он замечательный человек и полицейский, даже если часто он тебе и не нравился. Ну и когда ты видишь такое, то не можешь поверить своим глазам, и единственное желание-схватить того мерзавца, который это сделал.

– Да, – протянул Бекон. – Значит, вы вошли. Что было дальше?

– Кажется, я прежде всего обратил внимание на раскрытый шкаф, а уже потом на него, – Керби кивнул в сторону письменного стола. – Я же знал, что Том держал его запертым, а тут он был раскрыт и опустошен... во всяком случае, так мне показалось. Револьвер я заметил не сразу. Да я о нем и не подумал. Том лежал на полу, его пальто и шляпа тоже. Вот я и решил, что это сердце...

– Его пиджак был так расстегнут, как сейчас?

– Да, я заметил пятно крови, когда склонился над Томом, но тогда оно было гораздо меньше. Окликнув Тома, я потряс его за плечо, не зная, что он мертв. И тут я увидел револьвер.

– Когда вы решили, что он мертв?

Керби заморгал, словно такая мысль раньше не приходила ему в голову, и ответил, что не знает.

– Мне не удалось нащупать пульс, но кожа у него была теплой. И пятно крови росло на глазах. Я понял, что случилось это перед самым моим приходом, и у меня мелькнула дикая мысль, что мерзавца мне удастся поймать прямо на месте преступления. Теперь-то я вижу, что это глупо, но тогда...

– Ладно, – Бекон заметил, что Керби замолчал. – Так что же вы сделали?

– Со второго этажа всего один выход, по парадной лестнице. Я решил, что мой приход загнал загнал убийцу в ловушку. Вот о чем я тогда подумал. И побежал по коридору, дергая все двери, – рассчитывал, что он спрячется в одной из контор. Но все было заперто. Тогда я поднялся на четвертый этаж-там даже света нигде не было. И я понял, что обманываю сам себя: ведь если я вспугнул убийцу, у него было достаточно времени, чтобы удрать, пока я находился у Брейди. Тогда я вернулся назад, снял пальто и шляпу, позвонил в полицию и стал ждать.

Бекон кивнул и пожевал губами.

– У вас есть оружие, Френк?

– Два револьвера, но они оба на месте.

– Встаньте!

Керби широко раскрыл глаза, он явно не мог поверить своим ушам, потом стремительно вскочил, сжав зубы.

– Да не валяйте дурака! – рассердился Бекон, заметив его реакцию. – Вы достаточно прослужили в полиции, чтобы знать правила.

Он сердито поправил свой просторный пиджак в полоску из дорогого серого твида. Подчиняясь взгляду лейтенанта, сержант Кио провел поверхностный досмотр и отступил назад.

– Это ваш стол? – Бекон указал на стол слева и снова кивнул Кио; сержант занялся содержимым ящиков.

Керби сел, все столь же хмурый, и буркнул:

– С виду револьвер похож на оружие Тома. Можно проверить по номеру.

– Он носил его с собой?

– Нет.

– Где он его хранил?

– В письменном столе, в том самом ящике, который вынут.

Рефлекторы уже выключили. Бекон спросил коллегу-лейтенанта, все ли вынули из карманов Брейди. Когда это сделали, отправил Кио проверить, прибыла ли санитарная машина. Тут же вошли санитары.

Мердок закурил и отвернулся. Но хотя он твердо решил ни на что не смотреть, все же чувствовал движение в комнате, а когда носилки подняли, горло у него перехватило, в глазах зашипало, и только когда дверь закрылась, он снова взглянул на Бекона, прислушиваясь к его вопросам, оценивая ответы, с трудом сдерживая в себе неутраченный гнев.

Бекон покопался в бумажнике Брейди, потом попросил дактилоскописта осторожно прочитать номер револьвера.

– До сих пор мне ни разу не удавалось отыскать на оружии хорошие отпечатки, – заметил тот, – на заранее никогда не знаешь...

Осторожно перевернув револьвер кончиком карандаша, он вслух прочитал его номер.

Бекон подтвердил:

– Совершенно верно, это его револьвер. Как же могло получиться, что его застрелили из собственного оружия?

– Вы интересуетесь просто так или ждете, что я выскажу свои соображения? – спросил Керби.

– Есть что-выкладывайте.

– У преступника наверняка был собственный пистолет.

– Если бы он его выхватил, Брейди смог бы выдвинуть этот ящик.

– Непременно, – подтвердил Керби. – Он был не робкого десятка. Он бы не стал сидеть и ждать, что будет дальше.

Бекон задумчиво кивнул.

– Да, он его достал, но другой это заметил. Держа Брейди под прицелом, заставил положить оружие на стол. И хотел его забрать, но Брейди попытался отнять револьвер. Если на рубашке есть следы пороха, все так и было. Брейди ринулся вперед-тот выстрелил.

Лейтенант негромко выругался от возмущения и бессилия. Потом деловито взял себя в руки.

– Надо лучше проверить письменный стол, особенно выдвинутый ящик. Это что... лента от пишущей машинки? – Спросил он, указывая на перевернутую корзину для мусора. – Если лента новая, можно попытаться прочитать, что с ней печаталось... Френк, что вы скажете насчет этого несгораемого шкафа?

– Он держал там папки с делами.

– Сколько их там было? Полный шкаф или только часть?

– Точно не скажу.

– А примерно?

– Примерно вот столько, – Керби развел руки фута на полтора.

– Столько не спрячешь в карман и не унесешь под мышкой.

– Если перевязать, – возразил Керби, – то унести нетрудно. – Встав, он подошел к столу. –

У Тома был портфель...

Оглядевшись, он зашел за перегородку в дальнем углу.

– Если он не оставил его дома, значит им и воспользовались, – заявил убежденно.

– Сегодня днем Том заходил с портфелем, – сказал Кент.

Бекон перевел взгляд на него.

– Куда?

– К нам в фотостудию.

– Когда?

Кент рассказал. Бекон повернулся к Керби.

– Вы об этом знали?

– Конечнобя звонил ему туда, чтобы сообщить о заказе Келлера. Он сюда вернулся, мы все оговорили и спланировали, как будем действовать.

– У него был портфель?

– Да.

– Чего он хотел от вас? – повернулся Бекон к Мердоку.

– Просил сделать кое-какие снимки.

– Какие?

– Разные бумаги: подписанные показания, копии документов, пара свидетельств о рождении...

– В чем там дело?

– Я не знаю.

– Но общее представление вы должны иметь, – раздраженно заметил Бекон.

Мердок довольно резко объяснил, как было дело, закончив словами:

– Потому-то я старался особо не читать, а то, что видел, не имело для меня смысла.

– Может быть, вы припомните...

– Может быть.

– Тогда начинайте думать. Над чем он работал? – спросил он Керби.

– Целый месяц его не было в городе, вернулся только вчера.

– Он уезжал на целый месяц? – удивился Бекон. – По делу? Видимо, важному?

Он выжидательно помолчал, но Керби молчал тоже, поэтому спросил:

– Вы знаете, на кого он работал?

– По-моему, на семейство Олдерсонов.

– На Олдерсонов с Бикон-стрит? – лейтенант даже присвистнул. – Черт возьми... Мне казалось, они детектива и на порог бы не пустили!

Тут ему в голову пришла новая мысль и он повернулся к Мердоку.

– Что случилось с пленками?

Мердок объяснил.

Тогда Бекон спросил:

– Брейди их забрал?

– Наверное. В восемь их в моем столе уже не было.

– А что он сделал с подлинниками?

– Уложил в большой конверт из плотной бумаги и спрятал в портфель. Или нет, я не прав. Принес он его в портфеле, а когда уходил, сунул конверт в нагрудный карман.

Бекон тут же повернулся к своим людям.

– Нет конверта? А негативов? И самого портфеля тоже?

Он хотел ещё что-то добавить, но открылась дверь и патрульный сообщил, что его хочет видеть некий мистер Андерс.

Артур Андерс оказался красивым седеющим мужчиной лет сорока, с атлетической фигурой и лицом, словно сошедшим с рекламы спортивных товаров. Уверенный раскатистый голос и изысканные манеры указывали на то, что он создан был для лучшей жизни. Теперь, расстегнув свое коверкотовое пальто и стряхнув капли дождя с новой шляпы, он осмотрелся, вначале оценив Мердока, потом Бекона.

– Вы хотели меня видеть, мистер Андерс? – спросил лейтенант.

– Не совсем так. Я пришел к мистеру Брейди...

– Для чего?

– Мы условились о встрече. Внизу мне сказали о том, что случилось, и что вы руководите расследованием, поэтому я счел нужным подняться сюда.

– Когда вы видели Брейди последний раз?

– Месяц назад.

– Значит о встрече вы договорились по телефону?

– Нет, он забежал ко мне днем, сказал, что у него есть ко мне разговор и спросил, не смогу ли я прийти около половины десятого, – тут он взглянул на часы. – Я сказал, что смогу. Правда, немного опоздал...

– Он не говорил, для чего хотел вас видеть? Вы знали, что он работал на семейство Олдерсонов? – добавил лейтенант, видя, что Андерс покачал головой.

– Это я знал, но почему и чем он занят-нет.

– Кто его нанял?

– Миссис Олдерсон, то есть миссис Гарриет Олдерсон.

– Но она вам не сказала, почему?

– Нет.

– Вы-поверенный в делах семьи, и не пытались...

Андерс едва заметно усмехнулся.

– Знай вы миссис Олдерсон, не сомневались бы, что если она что-то решила...

– Она с вами не советовалась?

– В этом случае-нет.

– Но с чего она надумала нанять детектива?

– Меня она поставила в известность, когда решение уже приняла. Я пытался узнать, на ком она остановила выбор, и поняв, что она не отступит, посоветовал обратиться к Брейди, репутация которого была мне известна. Думаю, по этому поводу она разговаривала и с мистером Мердоком.

Он оглянулся, ища подтверждения.

Мердок тут же сообщил, что миссис Олдерсон спрашивала его о Томе Брейди, и он его рекомендовал.

– Но вам она тоже не говорила, для чего ей детектив?

Отрицательный ответ Бекон пережевывал не меньше минуты, явно не поверив ни тому, ни другому. Но сообразив, что тут он ничего не добьется, решил переменить тему и заговорил с Керби.

– Свои донесения Том писал сам, – спросил он, – но кто их ему перепечатывал?

– Да, почерк у него был неважнецкий, – протянул Керби.

– Так кто для него печатал?

– Девушка по имени Салли Фишер, она вроде работает в «Курьере»...

– Да, в отделе светской хроники, – подтвердил Кент Мердок. – Живет она в том же доме, что и Том. Она печатала его материалы по вечерам. Правда, их было немного.

– Адрес вы знаете?

Мердок продиктовал адрес сержанту Кио.

– Может быть, она сможет помочь, – сказал Бекон, – но сначала нужно поговорить с миссис Олдерсон.

Кивнув сержанту Кио, он отошел к дверям, где вполголоса проинструктировал своего помощника. Потом, вернувшись к Андерсу, спросил:

– Вы не желаете ей позвонить и предупредить о нашем визите?

– Не особенно.

Бекон побагровел, но сдержался.

– Целый месяц Брейди работал по заданию миссис Олдерсон, – сурово заметил он. – Значит, она готова была вложить в это дело крупную сумму денег. Кто-то убил Брейди до того, как он успел передать ей свои материалы, бумаги исчезли-и те, на поиск которых он потратил столько времени, и его донесения с выводами. Вместе с ними исчезли и пленки, которые он сделал сегодня.

Тома Брейди любили и уважали все, с кем он долгие годы работал бок о бок. Для нас он останется полицейским, одним из нас, значит все наши сотрудники будут заниматься расследованием с особым старанием, не считаясь с трудом и временем. И мы не успокоимся, пока не докопаемся до истины. Так что если даже убийцей окажется один из Олдерсонов, мистер Андерс, учтите-ничего не изменится.

Заметив, что Андерс собрался протестовать, он торопливо продолжил:

– Вы поверенный в делах семьи. Хорошо, мы возьмем вас с собой, чтобы вы могли отстаивать их интересы. Потому было бы неплохо вам позвонить миссис Олдерсон и сообщить, что произошло. Можете от моего имени ей передать, чтобы собрались все члены семьи, если это возможно. И еще: у меня карман набит повестками, так что если у неё нет желания беседовать со мной сейчас, мы их утром совершенно официально вызовем в прокуратуру.

Длинная речь была столь непривычна для Бекон, что Мердок понял-это не пустые угрозы. Очевидно, Артур Андерс это тоже понял. Тяжело вздохнув, он пожал плечами и пошел к телефону. Пока набирал номер, Бекон снова стал о чем-то совещаться с помощником.

Мердок пошел одеваться. Он отложил в сторону шляпу Керби, тот уже был рядом и сразу надел её, а свернутый плащ перекинул через руку. К тому времени, когда Мердок натянул свой, мокрый и холодный, Андерс закончил разговор.

– Она не стала спорить? – спросил Бекон.

– Я пересказал ей все ваши слова. Видимо, это её убедило.

Бекон кивнул и повернулся к Мердоку.

– А вы куда направляетесь?

Кент ещё не думал об этом. Мысли его занимал только Том. Теперь он проклинал себя за беспомощность, за то, что не прочитал документы, когда их фотографировал, хотя имел для этого полную возможность. Ему казалось, что Бекон взял верный след и что гибель Брейди как-то связана с тем, что ему удалось выяснить.

– Не знаю, – протянул он. – Могу поехать с вами.

– Это я и имел в виду. Как друг семьи, можете меня поддержать в трудной ситуации... Думаю, вы, Керби, тоже... Поедем все вместе. Мердок, вспоминайте про бумаги, которые вы фотографировали. Мистер Андерс поедет на своей машине за нами, а сержант Кио-позади всех.

Глава 6.

Редакционная машина оставалась на месте, так что Мердок сунул аппарат в чемодан с оборудованием в багажнике. Втроем они заняли переднее сиденье-Мердок слева, Бекон посередине. Ливень сменился мелким морозящим дождем, на который никто не обращал внимания.

Первым заговорил Керби.

– Я все думаю, лейтенант. Вам это может показаться странным... насчет Андерса.

– Что-что?

– Примерно через неделю после отъезда Тома он звонил мне из Сан-Франциско. Сказал, что у него есть для меня кое-какие поручения. Работать я буду на него и он со мной рассчитается, когда получит деньги от Олдерсонов. Он хотел, чтобы я занялся Андерсом.

Бекон заинтересованно протянул:

– Ага! Вы имеете в виду-установили за ним наблюдение?

– Нет, не совсем. Брейди хотел, чтобы я прощупал финансовое положение Андерса, его кредитоспособность и так далее. Просил поразнюхать все, что получится.

– Ну и что?

– Андерс по уши в долгах. Все кредиты давно исчерпаны.

– Ну и ну! – покачал головой Бекон. – Проверять-то надо все и всегда, верно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.